

Трансцендентальные полеты

Совпадения имен, отчеств и фамилий являются случайными, все остальные совпадения — не случайны.

Автор

Из зеркала на него в упор, не мигая, смотрел солидный немолодой человек. Для многих скорее пожилой. Лет семидесяти с небольшим хвостиком, с каким — не стоит уточнять. Как говорила равнодушная к нему соседка Циля, он "выглядел на свои годы". Впрочем, если быть самокритичным, возможно, она ему льстила, и на вид было чуть больше. Но ненамного, на два-три года от силы. Лицо интеллигента, научного работника, немного аскетичное, хотя не худое. Вертикальные складки вдоль щек, четкие горизонтальные линии на лбу. Две короткие черточки над переносицей. Стандартная лысина, узенький венчик седых волос. Нос великоват, но здесь, в Израиле, это значения не имело. Правда, без очков лицо становилось немного растерянным и незащитным. Но если их водрузить (Наум так и поступил), то облик приобретал решительность и основательность. Такого лица можно было не стыдиться. Даже коренные израильтяне, смотревшие на "русских" эмигрантов традиционно свысока и с пренебрежением, говорили с ним довольно вежливо, не только в организациях, но и в транспорте, и в магазине. "Доктор!" — частенько обращались к нему незнакомые аборигены. Это льстило, тем более что он здесь, на исторической родине, действительно считался доктором: именно так, солидно, звучал в Израиле не слишком уважаемый в Союзе статус кандидата наук.

Жертва пешки*

1

Первоисточником всех пертурбаций в их судьбе, безусловно, была жена Наума Светлана. Светочка. За почти тридцать совместно прожитых лет она, по его мнению, не изменилась ни внешне, ни внутренне. Энергии в ней с избытком хватало на двоих — и на себя, и на мужа. И еще оставалась лишняя, которую Светочка в молодые годы расходовала на неожиданные авантюры под принятым в их семье условным названием "комби-

* Первая часть новой повести

нации". Жизненный опыт и годы ее нисколько не охлаждали. Половина из этих авантюр с блеском удавалась, половина проваливалась полностью. Но жизненного кредо Светочки это не изменяло, потому что она начисто забывала провалы — таково было свойство ее памяти. Время от времени она меняла работы, квартиры, организовывала неожиданные экскурсии — к примеру, в тундру — и привозила оттуда на продажу панты — рожки молодых оленей, и прочее в этом же роде. До поры до времени это было не только терпимо, но даже интересно. А Наум так и не научился противиться ее инициативам. Просто не успевал. Для этого он был слишком инертным и медлительным.

"Уж если годы над ней не властны, то куда мне, грешному", — оправдывался он перед знакомыми. И перед собой. И это было очень похоже на правду. Она действительно на удивление мало изменялась с возрастом. И по сей день — редкий случай — у нее почти не было седых волос. Трудно поверить, но даже вес ее за эти годы не изменился. Может быть потому, что она с юности имела очень прочный задел. Светочка и тридцать, и сорок лет тому назад была столь же упитанной и столь же крупной девицей. Черноока, чернорова. Типичная Оксана. Свои внешние данные она получила вместе с фамилией Кириченко и национальностью "украинка" в наследство от отца, рубахи-парня и бравого летчика, который куда-то безвозвратно улетел, когда ей еще не было и трех лет. От матери, тихой прибалтийской еврейки и по совместительству преподавателя биологии, она унаследовала только одно качество — отсутствие антисемитизма. Тоже немало. Фамилию Кириченко Света оставляла при любых жизненных обстоятельствах, а национальность меняла по мере необходимости.

Они с Наумом были одного роста, 170 сантиметров, но Светочка выглядела значительно крупнее. Несмотря на довольно солидный вес, она все делала на удивление шустро, что тоже выглядело контрастом по сравнению с немного заторможенной вальяжностью мужа.

"Единство противоположностей", — время от времени сообщал Наум, склонный к многозначительному изречению прописных истин и расхожих цитат. В этом пристрастии он не видел ничего плохого — зачем изобретать велосипед, когда на все случаи жизни есть давным-давно проверенные отличные изречения, поговорки и афоризмы.

Стоит остановиться на главном, может быть, отличии в характерах супругов. Светочка была такой, какой казалась. Ей ничего не нужно было изображать или придумывать. В основе ее натуры лежали здравый смысл и любовь к жизни. Этим определялись все ее поступки. Я уже говорил, что

неудачи не выбивали ее надолго из колен. Даже измену первого мужа и последующий развод она восприняла без надрыва. И спустя год захомутила входящего в круг близких знакомых старого холостяка (на десять лет старше ее) Наума, который не слишком сопротивлялся этому. Наум по сей день подозревает, что еще до ее развода он был зарезервирован Светочкой как вариант "комбинации" при остывающем на глазах бывшем супруге.

И все-таки это не был голый расчет, как может показаться. И последующие двадцать семь дружных лет (срок немалый) это подтвердили. "Жили они долго и счастливо", — любил под настроение информировать окружающих Наум. Так оно и было... до поры до времени. Одна беда — у них не было общих детей, основы семейной надежности. И не могло быть. Света на излете первого брака сделала аборт. Неудачно. Но Наум знал, на что идет, и решил, что один ребенок на двоих — ее сын Женя — тоже неплохо.

Итак, со Светланой Кириченко, украинкой в Советском Союзе и еврейкой в Израиле, мы разобрались. С Наумом было сложнее. Да и могло ли не быть сложностей в характере человека, который графу ФИО в многочисленных анкетах, сопровождавших нас в те времена на каждом шагу, заполнял так: "Наум Меерович Сипитинер"? И весь облик его вполне соответствовал этому имени, отчеству и фамилии.

У Наума хватало скрытых и явных комплексов. Кроме общееврейских, еще и энное количество своих собственных. К общееврейским комплексам относится (надеюсь, никто не станет с этим спорить) чуть ли не от рождения укоренившееся сознание, что всю жизнь придется преодолевать предубеждение окружающих. Но преодоление далеко не всегда окажется ему по силам, и тогда придется смириться с этой несправедливостью и терпеть. Иногда уклоняться, иногда утираться, но... всегда терпеть. Такова судьба еврея везде, а на бескрайних просторах СССР — в особенности. Не знаю, как насчет поэта в наши смутные времена, но определенно и по сей день "еврей в России больше, чем еврей". И, боюсь, надолго.

В комплекте с непреходящим чувством обиды и для уравновешивания отрицательных эмоций Наум получил в наследство еще один общееврейский комплекс. Я имею в виду очень сомнительное, но популярное убеждение в интеллектуальном превосходстве евреев. Генетически наследуемый "еврейский ум", по убеждению многих, является, с одной стороны, следствием, но одновременно и причиной многовековых гонений. А раз так, то Наум как истинный представитель еврейского народа считал своим долгом отработать этот дар по полной программе и добиться успеха в жизни любой ценой.

Он был добросовестным, трудолюбивым и дисциплинированным, но успехи давались с большим трудом. Да и особыми успехами их не назовешь. Наверно, его предки генетически передали ему не столько таланты, сколько выкованное веками свойство отличаться от остальных. Или не слишком ладить с окружающими, чем евреи нередко грешат, а ведь это в принципе одно и то же. То, что у Светы было естественным, природным — умение легко вписываться в любую обстановку, — ему давалось с трудом. Наум не мог жить в согласии с собой и миром, как ни старался, какие огромные и сознательные усилия к этому ни прилагал.

Родители его были малограмотными евреями — первое поколение, перебравшееся из маленького еврейского местечка, не столь давно еще черты оседлости, в большой город. Мать — громкоголая, хозяйственная, но не слишком аккуратная, традиционная "идише мама", отец — маленький бессловесный подпольный делец. Артельщик, как это тогда называлось. Судя по доходам семьи, он не напрасно рисковал свободой, кое-что в доме было, включая дачу.

Науму в родительском доме шарм, как вы понимаете, приобрести не удалось. Пришлось вырабатывать его искусственно, самовоспитанием. Он неуклонно старался приобрести привычки солидного глубоко интеллигентного человека, всегда сдержанного, тактичного, умным и добрым взглядом посматривающего сквозь очки на окружающих. Со временем внешне стало получаться, и все-таки... все-таки контакты с людьми ему давались не слишком легко. Особенно с сотрудниками и начальством. Чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, ворчливое недовольство. Может, и зависть, в чем Наум даже самому себе не хотел признаваться. А это успехам не способствовало. Трения могли бы быть компенсированы серьезными и очевидными способностями, но для всех Наум оставался только добросовестным и неглупым работником с не слишком, увы, легким характером. В НИИ пищевой промышленности, где он много лет протрубил не за страх, а за совесть в ранге начальника сектора, на должности чисто символической, его обходили многие, в том числе и евреи. И кандидатскую диссертацию он защитил только в тридцать восемь лет. О ней упоминать Наум не любил, потому что в названии наряду с красивыми научными словами были и "картофельные очистки". Какая организация, такая и диссертация. Завотделом был некто Сиперштейн, лет на десять моложе его и даже не кандидат. Как можно было объяснить все это самому себе? Только одним: в отличие от иных конъюнктурных приспособленцев, его в первую очередь интересует само дело, а не отношения

с начальством. Примерно так. Впрочем, Наум в глубине души и сам в этих объяснениях сомневался.

"Принципиальный ты наш", — добродушно посмеивалась над ним Света. Но ничего от него никогда не требовала. Она и не ждала от него трудовых и карьерных подвигов. Впрочем, человек он был неплохой, хотя с точки зрения ее подруг немножко нудный. Зато надежный и внешне довольно-таки симпатичный, если не обращать внимания на некоторую зажатость и закомплексованность. Она и не обращала.

Изменяла ли ему Света? Вряд ли. А если и было что-то когда-то, то все проходило бесследно. Исповеди и раскаяния ждать не приходилось — не тот характер. А Наум — нет, определенно нет. Адюльтер в программу Наума не вписывался.

"Комбинация", которая круто изменила течение их жизни, была затеяна Светой почти двадцать лет тому назад, еще до перестройки. На очередной ее работе появилась возможность получить квартиру. Для этого Света должна была не быть замужем и не иметь жилплощади. Наум и рта не успел раскрыть, а решение уже было найдено и осуществлено. Света развелась с ним из-за "несходства характеров", затем "переехала" на квартиру к подруге, то есть купила ей диван и раскладушку и поставила под ними свои и Женины тапочки. Продолжала жить, разумеется, у себя дома. Все оставалось по-старому, только она не отвечала на телефонные звонки и не открывала двери, если Наума не было дома. Такой вариант был далеко не редкостью при советской власти. Да и на ее работе почти все знали, что развод фиктивный, но общительной и обаятельной Светочке никто не хотел подставлять ножку. Тем более, так сложилось, что в этой квартире на выселках никто особенно не был заинтересован.

— Зачем она нам, у черта на куличках? — спрашивал Наум.

— Много ты понимаешь. Будет у нас дача. Через пару лет там будет чудный дачный район.

Квартиру Света получила. И оказалась права: свои пятьдесят процентов успеха эта "комбинация" отработала. Там действительно через несколько лет вырос элитный дачный район. А пятьдесят процентов провала заключались в том, что в это время их семья уже была в Израиле. Впрочем, формально по-прежнему не семья.

В восемьдесят девятом году началась эпопея повального отъезда евреев, полуевреев, на четверть евреев и многих примкнувших к ним в Израиль. Это вполне можно было считать "комбинацией", но слишком мас-

совой и слишком опасной даже для Светы. Ей и в Союзе было комфортно. А в те годы у всех была стопроцентная уверенность, что не только назад вернуться не удастся, но даже увидиться с теми, кто оставался. Прощаясь, уезжающие и провожающие проливали слезы, как на похоронах. Это было страшно. Авантюра Свету влекла, а Израиль — не очень. У Наума все было наоборот. Он по рождению, фамилии, произношению и всему своему облику вынужден был быть еврейским националистом в советском варианте. Но привыкать к новым контактам, другому образу жизни... И он вопросительно смотрел на свой локомотив — Свету. Больше смотреть было не на кого: к этому времени их родители умерли, законопослушно не нарушив границу невысокой среднестатистической продолжительности жизни в великом и могучем Советском Союзе.

Но Светочка не решалась. Это, безусловно, была авантюра, огромный риск, но не "комбинация". Смысл "комбинаций" был в оригинальности решения и удивлении окружающих. А тут? Выезжали сотни тысяч человек, возникало стадное чувство, противиться которому для имеющих возможность уехать становилось все труднее. Соблазн вырваться из закрытых границ "лагеря", которые вскоре — никто не сомневался — опять станут непроницаемыми, был очень силен, особенно у евреев. Подталкивала и абсолютная пустота в продовольственных, да и всяких других магазинах. Дело шло, казалось, к голоду и полной разрухе, а значит, не исключено, и к возможным погромам. Нужно было принимать решение.

И неутомимая Светочка даже в этом массовом заплыве нашла свою "комбинацию", а это, как вы понимаете, перевесило все сомнения. Ей удалось выяснить, что все пособия и любая помощь в Израиле на семейную пару не в два, а только в полтора раза больше, чем на одиночку. То есть двое одиночек получают на половину пособия больше, чем пара. Как удачно, что они с Наумом сейчас в разводе! Грешно не воспользоваться таким преимуществом. Лишние полпособия — это серьезное подспорье при неудачном развитии событий. А под старость, которая не так уж далеко, — тем более. Ехать! Ехать в разводе, как чужим людям, благо оба евреи по Галахе. Фамилии разные, кто догадается? Ехать!

2

Манна небесная в Израиле их не ожидала. Прежде всего, "комбинация" с разводом лопнула, доставив попутно массу неприятностей. Приехали они в страну, которая занималась эмигрантами со дня своего рождения и знала

все хитрые варианты "еврейских голов". Наум со Светой сняли, разумеется, одну квартиру (денег и на одну не хватало), и первая же внезапная комиссия обнаружила две пары тапочек под одной большой, явно семейной кроватью. Почти год после этого происходила путаница с выплатами, тянулись бесконечные хлопоты и объяснения с бестолковой и ленивой израильской бюрократией. В конце концов, они письменно признались в прелюбодеянии и объявили себя семьей. Постепенно бюрократы отстали и успокоились. Так они и жили в узаконенном всеми заинтересованными организациями гражданском браке. Ехать для оформления нового светского брака за границу не было ни денег, ни желания, а других, нерелигиозных вариантов в единственной демократии на Ближнем Востоке не было.

С работой вначале было еще терпимо. Израиль первый год "большой алии" относился к репатриантам из СНГ с симпатией и искренне пытался помочь им приспособиться к новым условиям. Каждому полагался для изучения иврита трехмесячный бесплатный ульпан, который Науму совершенно не помог.

"Старость — не радость", — объяснил он свои "успехи" на выпускном вечере на чисто русском языке. Все с ним согласилось.

Несмотря на это, доктора Наума Сипитинера (свой человек!) приняли в специально организованную для советских ученых технологическую теплицу, где два года выплачивали минимальную зарплату в надежде, что он что-нибудь изобретет. Света окончила бесплатные торговые курсы и поступила на работу в престижный магазин одежды.

Но продолжалась идиллия недолго, меньше трех лет. Наум уступил свое место другому ученому — очередь поджимала. А Свету просто уволили: было полно репатрианток, более молодых и симпатичных, согласных работать на любых условиях, и нередко во всех смыслах (о русских женщинах поползли самые невероятные и пикантные слухи). Любовь израильян к "русским" репатриантам неожиданно и резко превратилась в плохо скрываемую антипатию. "Подъемные" пособия закончились, и пришлось нашим героям переходить на подножный корм. Науму удалось устроиться охранником — читай сторожем, а Света влилась в основной контингент иммигранток старше сорока лет — занялась уборкой в квартирах израильян и уходом за престарелыми и инвалидами.

К чести Наума и Светланы нужно сказать, что они не впали в отчаяние и не стали посыпать голову пеплом. Старались держаться на плаву, и им это удавалось. Солидный возраст Наума позволял получать небольшое социальное пособие. Вместе с подработками, иногда по-черному, на жизнь

хватало. Утешало и то, что, судя по сведениям из Одессы, они не много потеряли. Организации, в которых они там работали, разогнали, их бывшие сослуживцы подались в различные фирмы, в основном, торговые. Что там с ними было бы? Один бог знает. Потеря их прежнего статуса в Израиле очевидна, но это явление массовое. "На миру и смерть красна", — втолковывал желающим слушать Наум.

Со Светланой было все ясно. Ее здравый смысл и оптимизм помогал выжить в любой обстановке. А как себя чувствовал бывший ученый, а ныне сторож Наум? Как ни странно, он тоже не испытывал особых страданий от утраты своего статуса кандидата наук. Даже, пожалуй, в глубине души был доволен тем, что избавился наконец от комплексов, дискомфорта, огорчений и обид, связанных с его якобы научной работой. Особенно когда узнал, что в "технологическую теплицу" не приняли его бывшего начальника Сиперштейна, который так и не защитил диссертацию. В сознании Наума постепенно происходили довольно типичные для пожилых иммигрантов изменения. Должность начальника сектора, его роль в бюро и вообще в советской науке со временем и на расстоянии превращалась в нечто значительное и важное. Уважение к себе, как ни странно, возросло, комплексы и обиды улеглись.

А как ему удалось простить Израилю свой новый статус сторожа? Удалось. Простил.

"Я уже не молод, страна маленькая, все время воюет. Зато я впервые в жизни перестал напрягаться при слове "еврей". Это дорогого стоит! Это моя страна, и я ей обязан. И ничего не дал взамен, только беру. Какие тут могут быть обиды?"

Все возмущение и негодование Наум направил против врагов, которые не дают нормально жить новой родине и даже угрожают самому ее существованию. Если бы не они, все, разумеется, было бы иначе. А собственную значимость Наум поднимал за счет того, что уверовал в распространенную в израильском национальном лагере теорию ментальной порочности арабов. "Они понимают только силу! Они от рождения враги цивилизации, враги всего демократического мира", — все эти клише были попытками оправдать в собственных глазах моральную сомнительность такой бескомпромиссной черно-белой позиции. Наум все-таки был по советским меркам интеллигентным человеком, ему тяжело было признать себе в том, что такая точка зрения, в сущности, сводится к очень простому: они, арабы, от рождения плохие, а мы, евреи, от рождения хорошие. Уж слишком это что-то напоминало...

Тем не менее, большинство русскоговорящих израильтян придерживалось таких же взглядов. В число единомышленников входила в полном составе и их более или менее постоянная компания, сколоченная, естественно, Светой. Это были несколько семей из Украины, приехавших примерно в одно время. Мужья поголовно евреи, жены самые разнокалиберные — типичная для "большой алии" ситуация. На совместных пикниках доставалось и палестинцам, и местным арабам, самым мирным из предлагаемых решений было выселить их к чертовой бабушке в другие страны. Вполне возможно, что это был так необходимый им предохранительный клапан, куда сбрасывалось все накопившееся с годами эмиграции недовольство. Ругать Израиль, "лить воду на мельницу антисемитов" никому не хотелось. Это, по существу, значило бы признать эмиграцию ошибкой. Слишком тяжелый вывод. Кстати, вот вам одна из существенных причин, по которой новые репатрианты из СНГ почти поголовно становились яркими ультрапатриотами.

Жизнь, увы, с каждым годом требовала все большего напряжения. И это было естественно. Они не молодели, Света уже не могла заниматься относительно прилично оплачиваемой уборкой и перешла на малоденежную и морально тяжелую работу — уход за престарелыми. Вскоре Наума уволили, так как сторожам старше шестидесяти пяти лет работать по ночам запрещалось во избежание неожиданной кончины на боевом посту. Наум по пятницам мыл две лестницы в соседнем доме и изо всех сил старался облегчить домашние хлопоты Свете и Жене. А в свободное от этих забот и чтения Ницше время слушал политические передачи на русском языке, на чем свет стоит ругал арабов и порицал евреев за мягкотелость и недостаточно жесткие меры. Он никогда не был особенно чутким к реакции окружающих и совершенно не замечал, что в собственной семье сочувствующих уже давно не было. Зато постепенно появились убежденные противники его ура-патриотических взглядов.

Открытую оппозицию возглавил пасынок Наума Женья.

"Маленькие дети — маленькие хлопоты, большие дети — большие хлопоты", — так не слишком оригинально, но убедительно описывал свои отношения с Женой Наум.

Когда они со Светой поженились, Жене было пять лет. Уже довольно большой мальчик, многое сознавал и многое помнил. И очень любил папу. Папа был веселый, легкий человек. Он не мог ужиться с общественным и семейным темпераментом Светы и поменял ее на мягкую домашнюю жену. В семье у него всегда было легко, уютно и сытно. Ухоженные детишки — брат и сестра, вечно что-то напевающий, довольный собой

и всеми вокруг глава семьи. Контраст не в пользу Наума. Это сразу создало сложности между отчимом и пасынком. Наум даже не делал попыток называться папой — это было нереально. На всю жизнь остался Ньюмой. Шансов заслужить любовь и полное доверие Жени у него практически не было. Из людей такого типа, как Наум (вы и сами, наверно, уже поняли), хорошие педагоги не получаются. А здесь был очень непростой случай. Ребенок был сложный, умный, толковый, но то ли от природы, то ли в силу описанных обстоятельств малоуправляемый.

И все-таки стабилизация отношений произошла. В свое время гордая Света отказалась от алиментов, а поющий папа с легкостью необыкновенной с этим согласился. О своем первенце он вспоминал от случая к случаю, и даже в день его рождения не всегда. В конце концов, взрослеющий Женя начал осознавать, кому он нужен, а кому до лампочки. Наум, в сущности, был добросовестным доброжелательным человеком, он любил Свету и дорожил своей семьей. Постепенно отношения стали ровными, хоть и без особой теплоты.

Так продолжалось до переезда в Израиль. К сожалению, эмиграция обладает способностью, как сказали бы медики, обострять хронические заболевания. Так произошло и в этой семье. Как и большинство детей новых репатриантов, Женя оказался не в восторге от встречи с новой родиной. Основания для этого были: иммигрантов везде встречают не слишком приветливо. А дети страдают от неприязни окружающих больше всего. Но общие трудности на первых порах сплотили семью, тем более что в начале пути, как я уже говорил, стыдиться особо было нечего. Зато когда Наум пошел в сторожа, а Света — в уборщицы, Женя стал ощущать некоторую неловкость. Но основные перемены произошли после того, как в честь шестнадцатилетия ему дали возможность отправиться в гости к отцу. Инициатором этой поездки был большой демократ Наум.

Женин отец Василий Николаевич Беляев к этому времени стал в Одессе бизнесменом средней руки. Он держал магазин и что-то там еще по мелочам. Принадлежал ему и небольшой, но уютный особнячок в тихом элитном районе. Словом, контраст был очевиден. Женин отчим Наум Сипитинер (в Израиле даже лишившийся отчества) в своей родной еврейской стране был нищим парией. И если бы только это! Он перестал быть уважаемым членом общества. Самое интересное, что это отношение не слишком зависело от национальности в глазах общественного мнения. Все новые репатрианты чохом зачислялись в графу "русские" и в той или иной степени находились в этой дискомфортной зоне.

После поездки в Одессу Женя понял, как хорошо и приятно не выпадать из общего потока. В Украине он был бы таким, как все. Нормальным человеком. Антисемитизм ему не угрожал. Кого могла заинтересовать далекая еврейская бабушка по маминой линии из Литвы? Казалось бы, по аналогии он должен был понять, почему Наум так ценит не слишком церемонившийся с ним Израиль и столь многое ему прощает. Но, к сожалению, так в жизни не бывает, особенно в молодом возрасте. Каждый сам за себя. Другое дело, если бы его по-прежнему поющий и неунывающий отец в Одессе был евреем, и сам он не Евгением Васильевичем Беляевым с арийской внешностью, а каким-нибудь Сипитинером с соответствующим носом. Если бы ему могли крикнуть: "Жид, езжай в свой Израиль!" — может, что-то в отношениях отчима и пасынка изменилось бы. Нашлась бы почва для взаимопонимания. Но так шансов не было. И Женя незаметно для себя главную причину нелегкой перемены своей судьбы стал видеть в Науме. Как-то постепенно он забыл, что инициатором поездки была мама. Но мама явно проиграла вместе с ним, в эмиграции она оказалась на дне общественной жизни, стала прислугой. Это была еще одна кровоточащая рана в сердце Евгения. Как Наум мог такое допустить? Какой это глава семьи и мужик, в конце концов? Все свои и мамины беды и неудачи — а таких в семье эмигранта хватает — он постепенно стал вменять в вину Науму. Их отношения портились, как в сказке, не по дням, а по часам.

Может, если бы Наум почувствовал изменения в настроениях Жени, если бы хоть немного поумерил громогласную и безапелляционную защиту бедного, всеми обижаемого Израиля, раскол происходил бы не столь стремительно. Все-таки вначале в сопротивлении Жени значительную роль играло естественное для подростка чувство противоречия. Да и любого невольно заставил бы возражать менторский тон, который почему-то прорезался последнее время у Наума в "воспитательной работе" с пасынком, явно не испытывающим особой благодарности к приютившей его стране. Почему такое происходит? Может быть, потому, что наша правда доступна только настоящему еврею, а Женя, как ни крути, еврей лишь на четверть... Об этом — упаси бог — не говорилось вслух, но мысли нередко жалят больше слов. Наум сам воздвигал водораздел.

Не способствовали дружбе и очевидные ранние успехи Жени у противоположного пола. Он стал высоким интересным парнем, и начиная с восьмого (!) класса в его комнате стали задерживаться до утра подружки. Наума это, разумеется, шокировало до крайности, но командарм Света объявила его отсталым и несовременным, а под горячую руку и попрос-

ту ханжой. Во многих израильских семьях такое поведение молодежи, точнее, подростков, было обычным делом.

— Пусть лучше мальчик делает это дома, чем где-нибудь в компаниях с бутылкой водки. Пройдись по нашему парку — увидишь и услышишь такое!.. Ты этого хочешь?

Действительно, из близлежащего довольно запущенного парка по вечерам и допоздна доносились не слишком трезвые мужские и девичьи голоса. Весь район мог бесплатно проходить курс русской неформальной лексики. Что там происходило, ни для кого не было секретом. Но Наума это не убеждало — "ханжеское" воспитание слишком вьелось в плоть и кровь. Почему должны быть только крайности? Есть же что-то более приличное? На открытый бунт он не решался, но по утрам встречал "задержавшихся" соучениц Жени мрачно и неприветливо.

— Ходит как сыч, — довольно громко резюмировал "мальчик".

Наум изо всех сил старался этих слов не расслышать.

3

Школу Женя окончил с грехом пополам. Способности не слишком помогли. К сожалению, не было у него того, что было в избытке у Наума, — упорства и трудолюбия.

Женя от звонка до звонка отслужил положенные три года в армии. Впрочем, не без скандалов и гауптвахты. Пожалуй, надежды Наума на то, что армия научит "мальчика" уму-разуму, не оправдались. К его удивлению, в лучшей армии Востока оказалось слишком много демократии и мало дисциплины.

Большую часть службы Женя провел на территориях, охраняя поселенцев. После демобилизации стало ясно — в Израиле ему не жить. Его приговор ситуации "поселенцы — Израиль — палестинцы" был столь же бескомпромиссен, как и взгляды Наума, но со знаком минус. Поселенцы не работают и работать не будут, агрессивны, фанатичны, они не дают никому покоя. Арабы тоже не подарок, но жизнь их ужасна и унизительна по вине Израиля. Конца этому не будет, а будет серьезное кровопролитие. Все это было сказано резко, четко, безо всяких вопросительных и сомневающихся интонаций.

— Но почему, почему ты во всем винишь Израиль? Ведь нам не с кем разговаривать. У нас нет партнера по переговорам. Что может Израиль сделать? С кем говорить?

— Дело не в этом. Это все демагогия.

— А в чем? Объясни бестолковому старику.

— Попробую. Там двести пятьдесят тысяч поселенцев. По всей Иудее и Самарии. По всей территории. Я на них посмотрелся. Они оттуда не уйдут, и у Израиля никогда не хватит сил их увести. Пока поселения на территории, там будет армия, иначе их всех вырежут за одну ночь. И ни один араб не вступится. Пока на территориях будут армия и поселения, не может быть там ни порядка, ни правительства — ничего. И никаких партнеров. Будет все та же оккупация. Таким способом демократию не насаждают.

— А Германия? А Япония? После войны? Оккупация перешла в демократию, ведь так? История нас учит...

Женя его непочтительно перебил:

— Что ты сравниваешь! Там не было поселенцев из Англии и Америки. Никто им колонизаторов не расселял и земли у них не отнимал. А это самое главное.

— И какой выход?

— Только тяжелая война и тяжелое поражение Израиля. Только если кто-то насильно выкурит оттуда поселенцев, мы сможем отделиться от арабов. Другого варианта нет.

Наум задохнулся от ужаса. Это было больше чем святотатство. Даже больше чем антисемитизм.

— А если будет война, разве ты не должен защищать страну, которая тебя приютила?

— Не приютила, а позвала. Пригласила. Но дело не в этом. Я не хочу воевать на несправедливой стороне. И быть уверенным, что только наше поражение принесет мир. Слишком это глупо выглядит.

Больше говорить было не о чем. Женя уедет, Наум останется. Куда ему ехать, кому он нужен? А Света? Впервые Наум видел ее такой напуганной и потерянной...

Два года после демобилизации Женя болтался без дела. Не мог ни на что решиться. Начинать и бросал какие-то курсы. Работал ровно такой срок, какой был нужен для получения пособия по безработице, ни днем больше. Трудолюбие не было его коньком. Наум пытался вмешаться, но получил довольно грубую отповедь:

— Сидишь на пенсии, ну и сиди тихо у себя в комнате. Своих успехов ты уже добился. Дай попробовать другим.

Наум надулся и больше советов не давал. А Света безропотно взвалила на себя еще две работы, но упреков от нее никто не слышал.

Женя созрел. Он, никому из домашних не говоря ни слова, поступил на подготовительные курсы Техниона. Постепенно осознал, что для отъезда в серьезную страну нужно иметь хоть какое-то образование и специальность. Армия частично оплачивала первые годы дальнейшего обучения, и нужно было этим воспользоваться. Он мобилизовал всю свою — не слишком большую — волю и, опять-таки с грехом пополам, проучился три года в хайфском Технионе (один из них на подготовительных курсах), слегка подрабатывая по вечерам. До получения первой степени осталось меньше двух лет, включая экзамены. Рукой подать. Но не получилось.

— Человек предполагает, а бог располагает, — заключил Наум.

За это время в жизни Жени произошли очень важные события. Первое — он выиграл в лотерею (проводится такая в Израиле) гринкарту, прошел собеседование и получил разрешение на переезд в США. И второе — женился на своей соученице Наде, занимавшейся в том же Технионе. Она приехала по программе "Наале" — особой программе для выпускников школ, имеющих право на репатриацию, чьи родители не хотели переезжать в Израиль. Надя была внучкой еврея. Она уже защитила первую степень по химии и грызла гранит науки для получения второй.

Пара получилась очень симпатичная. Высокий стройный темноволосый Евгений и среднего роста с отличной фигуркой зеленоглазая блондинка Надя. Крашенная блондинка, но все было в меру и общего впечатления не портило. Оформили бракосочетание на Кипре — в Израиле нет брака для неевреев, свадьбу отпраздновали в ресторане.

А вслед за этим произошло третье, незапланированное, но, видимо, очень тесно связанное со свадьбой событие: по недосмотру родилась у них чудная девочка Верочка. "Семь раз отмерь, а один отрежь", — что точно имел в виду Наум, неизвестно, но догадаться можно. Произошло это настолько быстро, что молодые даже не успели снять собственную квартиру.

Итак, родилась еще одна русская на еврейской земле. Тут уже даже Наум осознал, что новой семье Беляевых придется уезжать.

Помогло ему убедиться в этом министерство внутренних дел Израиля.

При оформлении новорожденной у бдительных чиновников неожиданно вызвала подозрение бабушка Светлана Кириченко с вызывающим отчеством Ивановна. Света родилась в Литве в сорок пятом году незадолго до Победы. Время было горячее, наша страна освобождала одних, расстреливала и сажала других. Дел неупрото. Отец Светы был солдатом-освободителем, а его фронтальная подруга-жена не смогла следовать дальше за своим госпиталем и осталась рожать в Клайпеде. Может, действитель-

но в те смутные времена свидетельство о рождении было оформлено не слишком идеально, а скорей всего, это было очередное служебное рвение на популярной в Израиле ниве "еврей — нееврей", "настоящий — ненастоящий". Под подозрением оказалось право Жени на возвращение, а его Верочка в таком случае оказывалась правнучкой еврея. Этот статус требовал особого оформления, с какими-то временными правами, сроками и определенными условиями. Никто толком в этих сложностях не разбирался, потому что правнуки евреев, родившиеся в Израиле, еще были редкими исключениями.

С группой подозреваемых обошлись довольно вежливо, еще по-божески, только отобрали у всех документы и месяца три не давали никакого ответа. Три месяца на пороховой бочке оказалось совсем немало. Даже Света похудела на пять килограммов. Но затем документы вернули со словами: все в порядке. МВД связывалось с Литвой и получило соответствующие подтверждения. Разумеется, никаких извинений не было, в израильском МВД это не принято. Объяснили, что если бы Женя не отслужил в армии, результат мог бы быть другим. Но и такой вариант был достаточно убедителен. Без лишних слов все поняли, что пора паковать вещи.

Пора паковать вещи.

Света выглядела просто-таки оглушенной, она не отходила от Верочки ни на шаг. Все происходящее было для них настоящей трагедией. А что впереди?

Растерянный и испуганный Наум без особой надежды пытался остановить катастрофу. Он мямлил, что это просто отдельный несчастный случай. Женя только пожал плечами.

— Насмотрелся я на эти отдельные случаи, пока сидел в приемных. Неевреи в Израиле не могут быть спокойны, вокруг них все время что-то происходит.

— Но это не может, не может быть правилом, — скорее убеждал себя самого Наум.

Женя с иронией посмотрел на отчима сверху вниз, в прямом смысле сверху вниз — он был на голову выше Наума.

— Ну не правило, так тенденция. Какая главная цель Израиля? Основная? Создание еврейского государства. Государства для евреев.

— Так, — согласился Наум. — Конечно, государство для евреев.

— А раз так, то любой нееврей в стране — лицо в принципе нежелательное. В принципе. Он одним своим присутствием уже мешает главной задаче. Во всяком случае, не помогает — это безусловно. Отсюда и последст-

вия. Страна при такой основной цели не может быть справедливой. У меня две нееврейки, которые будут рожать неевреев. Что им тут делать, в национально озабоченной стране?

— И религиозно озабоченной, — добавила Света.

Это было демонстрацией поддержки. Она прежде никогда не вмешивалась в разговоры такого рода. И вот нейтралитет был нарушен. Во-первых, она в глубине души хотела, чтобы дети жили там, где нет постоянных войн, — вполне законное желание матери. Но был еще один мотив. Света недавно нанялась к новым хозяевам, ультраортодоксам, пожилой паре примерно такого возраста, как Наум, немного моложе. Хозяин был довольно важным в своей среде человеком, членом одного из религиозных советов, которые в Израиле обязательно состоят при любой, даже самой малюсенькой мэрии. Один-два раза в неделю он надевал тщательно отглаженный для такой цели костюм и уходил на пару часов на заседания. Это была его работа. В Израиле эти религиозные чиновники получают немногим меньше депутатов Кнессета, так что семья была достаточно обеспеченной. Хозяйка не очень скрывала свою уверенность в том, что нерелигиозные евреи — вообще никакие не евреи. И Светиной золовке нужно пройти гиюр, если она хочет быть не хуже других. Религиозная чета гордилась тем, что у них 95 прямых потомков. То есть детей, внуков и правнуков, без учета их жен и мужей (такое, надо сказать, не редкость в ультраортодоксальных семьях). Согласитесь, был предмет для гордости. Девяносто пять! По восемь — десять детей в семье, ранние браки, пошло четвертое поколение. Все в вере, все служат господу и соблюдают традиции. Мужчины в ешивах, женщины в семье. Семь раввинов. Трое в религиозном совете. Пятнадцать преподавателей ешив.

— А кто работает? — не удержалась однажды Света.

— Служение господу — самое важное для еврея дело. А для чего мы создавали еврейскую страну? Если бы не мы, евреи уже давно в Израиле были бы в меньшинстве.

Определенно, прямое потомство Светы, состоящее всего из двух человек — Жени и Верочки, заведомо проигрывало будущее их потомкам и количественно, и качественно. Высшая математика здесь не требовалась.

Все были наслышаны об этой истории. Света не из тех, кто таит в себе неприятности. Было понятно, кого конкретно она имеет в виду.

— Инкубатор какой-то, — неожиданно даже для себя пробурчал Наум.

Все с удивлением посмотрели на него. Это было явное отступление и намек на перемирие. Наступила сочувственная пауза.

— Ну хорошо, ехать нужно, — продолжил с горечью Наум. — Кто спорит! Но я бы на вашем месте прежде окончил Технион. Трудно, даже, признаю, обидно. Но все налажено, и мы с мамой рядом. Когда еще будет такая возможность вам обоим получить дипломы? И будет ли вообще? Нужно уметь терпеть, в конце концов. Терпенье и труд все перетрут!

И нарвался на очередной втык.

— У меня всю жизнь перед глазами пример терпенья и труда. Попробую иначе.

Наум опять надулся.

— Ладно, я предпочел бы быть плохим пророком, но боюсь... — и осекся под взглядом Светы. Он никогда не мог остановиться вовремя.

А Надя? Она просто любила Женю и довольно равнодушно относилась к Израилю. Считала страну чем-то вроде промежуточной станции, где дальней ветви евреев создают хорошие условия для получения образования. Во всяком случае, эти условия были лучше, чем для детей репатриантов. Это называлось "большой эмиграционной политикой". Кроме того, англоязычные страны ее не пугали. Надя была во всеоружии, она еще с младших классов решила, что не будет жить в России, и с финансовой помощью всегда и во всем согласных с ней не слишком бедных родителей окончила солидную частную школу английского языка. И училась, и сдавала экзамены в Израиле тоже на английском. К сожалению, наши репатрианты такой возможности не имели...

Молодые оформили в Технионе необходимые документы для перевода в другое учебное заведение, и спустя два месяца семья Беляевых отбыла в Сан-Диего, где у Жени жили друзья, сбежавшие из Израиля еще раньше.

Наум со Светой остались вдвоем. Дети оказались очень далеко. Нелегкая, но, увы, обычная ситуация для наших репатриантов.

4

Переход был очень резкий. Несколько последних месяцев в их не слишком большой трехкомнатной квартире было шумно и тесно. Теперь наступила удивительная тишина.

— То густо, то пусто, — резюмировал Наум.

— У нас стало безлюдно, — поддержала его Света.

Наум долго обдумывал, обидеться ли ему на это замечание или согласиться с ним. Никакая подходящая цитата не приходила в голову — и он промолчал.

Очень недолго они наслаждались отдыхом и спокойствием. Затем подумали, что тишины могло бы быть поменьше. Затем появилось чувство, в котором они даже самим себе не признавались: их в пустой квартире стало как-то слишком много друг для друга. Общепринято, что, оставшись вдвоем, не слишком молодые родители еще больше сближаются. Возрастает взаимопомощь, поддержка, зависимость друг от друга. Да и потребность в этом, кстати говоря, увеличивается — годы здоровья не добавляют. Но перейти на новые рельсы не так просто, как это может показаться. Многое в отношениях приходится заново перестраивать, снова нужно приспособливаться друг к другу, и чаще всего это не легче, чем в молодые годы. Физическое влечение, секс, который так сглаживал все нестыковки и противоречия в те счастливые времена... чтобы никого не обидеть, сформулирую так: все это уже не играет столь существенной роли. Словом, новая жизненная ситуация требует серьезной перестройки семейных отношений, не уступающей по сложности горбачевской.

Чаша сия не миновала и Наума со Светой. Они никогда так подолгу не были наедине, а главное, в качестве "лиц без определенных занятий". Света отказалась от доброй половины работ — необходимости в этом уже не было. Да и сил тоже. Дел по дому с трудом хватало только на то, чтобы загрузить изнывающего в поисках занятий Наума. Читать ему было трудно, очень быстро ухудшалось зрение, и даже израильская медицина оказалась бессильной. Размышлять было решительно не над чем, приходилось скорее изображать задумчивость. Оздоровительные прогулки отнимали всего полтора, от силы два часа. Телевизионные сериалы он, естественно, не любил, а к политике после всех приключений последнего периода резко остыл и даже чувствовал к ней какую-то органическую антипатию. Оставалось обмозговывать так и не решенную проблему сотворения мира и всего с этим связанного. Время от времени — как лакомство — он позволял себе в малых дозах чтение Ницше, Каббалы и какой-нибудь литературы о паранормальных явлениях. Но все эти вопросы требовали обсуждения. Наум остро нуждался в партнере по разговорам, а точнее, в слушателе. У Светы эти темы отклика не находили, ее вполне устраивали сериалы, любимая мемуарная литература и бестселлеры. Включая ненавидимые Наумом женские романы.

Связь с друзьями стала заметно сокращаться. Вся их компания постепенно тоже перешла на социальное пособие, и, в соответствии с израильскими законами, все остались без машин. Естественным образом прекратились субботние шашлыки — общественный транспорт, как известно,

в эти дни не работает. Остался телефон, которым усердно пользовалась Света. Науму телефон был противопоказан — слишком несерьезное занятие, мирового значения проблемы по нему не объяснишь, тем более что без жестикуляции истинный еврей Наум мало что мог доказать.

В этой новой ситуации неизбежно было обострение противоречий. Света с удивлением обнаружила, какой он нудный. То есть она и раньше это понимала, но не до такой же степени! Как нелепы его "высокие поиски" или, как Света их про себя, а иногда и вслух называла, "завиральные идеи" на фоне мизерного социального пособия и в съемной квартире! А Наум осознал, что своими разочарованиями и несбывшимися надеждами поделиться не с кем. Вряд ли она, оторвавшись от телевизионного сериала "Дорогая Маша Березина", сможет его ну если не понять, так хотя бы выслушать...

Но отступить было некуда, и в действие вступили защитные силы организма. Они постепенно осознали, что находятся на необитаемом, в крайнем случае, малообитаемом острове. Их двое, и никому до них нет, в сущности, дела. Кто из них цивилизованный Робинзон, кто дикий Пятница — деление чисто условное. Нужно быть реалистом.

И они, каждый по мере сил, начали приспособливаться. Наум стал меньше нести вслух наукообразную ахинею, Света научилась в определенной степени изображать интерес к теориям медитации и реинкарнации. Временами их можно было увидеть сидящими в обнимку на диване и внимательно наблюдающими за перипетиями мексиканского сериала. Объединяли их, естественно, и проблемы семейства Беляевых.

— Бытие определяет сознание.

А тут еще Света стала от излишнего спокойствия поправляться, что было совсем ни к чему. Но не было бы счастья, да несчастье помогло, — и Наум решительно взял контроль над ее весом в свои руки. С этих пор они в любую погоду дружно совершали довольно длительные совместные прогулки. Это уже было похоже на настоящую семейную идиллию.

В число важнейших развлечений входила бесплатная связь с Сан-Диего. Женя оставил им компьютер с программой "Скайп" и даже с видеокамерой. Теперь Света теоретически могла вести бесконечные разговоры и даже непосредственно наблюдать, как растет Верочка. Одна беда — взрослые заокеанские участники диалога были людьми слишком занятыми и слишком усталыми, чтобы больше двух-трех минут высидеть возле компьютера. И то далеко не каждый день. Положение усложняла и большая разница во времени — десять часов. Чтобы никого ночами не будить,

из Америки можно было звонить только с утра, в первой половине дня или поздно вечером. А утром по будням всем было не до переговоров. Поэтому на практике сеансы связи проходили только в субботу. Но Света надеялась, что, когда Верочка подрастет, она будет ей на расстоянии вслух читать Корнея Чуковского.

Так они и жили.

Не знаю, соответствует ли это теориям Эйнштейна, но ближе к старости время в течение дня тянется бесконечно и уныло, а сама жизнь протекает невероятно быстро и со все возрастающим ускорением. Недели, месяцы, годы — фьюить, фьюить, фьюить... Непонятно, как это сочетается, но факт остается фактом.

5

Пролетели, промчались два года. К счастью, Наум оказался плохим пророком — дела у семейства Беляевых продвигались неплохо. На удивление неплохо. Все-таки приехали они в новую страну, имея на руках только два незаконченных образования и полугодовалого ребенка, но ни копейки — почти буквально — денег. То есть без всякой подстраховки. О финансовых возможностях Наума и Светы вы знаете, о трудолюбии Жени догадываетесь, все вместе они наскребли при отъезде только на билеты в один конец. И тем не менее, все складывалось вполне благополучно. Казалось, Соединенные Штаты на примере наших молодых и отчаянных решили напомнить сомневающимся, что являются страной неисчерпаемых возможностей.

— Судьба Евгения хранила, — удивлялся Наум.

Им действительно во многом везло. Анатолий, Женин друг в Сан-Диего, оказался серьезным и надежным парнем. Он заранее снял им по соседству с собой неплохой "трехбедрумный апартамент", что в переводе на русский означало квартиру из четырех комнат, включая салон. Он же с согласия своей жены Любы, бывшей Жениной одноклассницы, одолжил им небольшую сумму на первое время, хотя они сами отнюдь не купались в роскоши. И даже порекомендовал интеллигентную русскоговорящую няню Беллу, эмигрантку из Черновцов пятидесяти пяти лет, не нашедшую себе в новой стране другого применения. Она оказалась дамой, приятной во всех отношениях, и притом достаточно чадолубивой. Белла была одинока и могла работать столько, сколько потребуется, даже при необходимости оставаться на ночь. Постепенно почти добровольно (но за дополни-

тельное вознаграждение) она взяла на себя и солидную часть домашних забот. Остановка была только за оплатой, что, как вы догадываетесь, являлось ахиллесовой пятой новых американцев. Няня стояла очень недорого. У нее оставалась в Украине дочь с двумя детьми и неудачным мужем, этот финансовый насос работал очень эффективно.

А зачем бедным иммигрантам вообще понадобилась няня? Все было обдуманно. Само собой разумелось, что завершить образование одновременно двоим не удастся. Кодекс чести настоящего мужчины требовал, чтобы в первую очередь это сделала Надя. А раз так, то все равно нужно было ребенка на кого-то оставлять. И выгоднее было Наде учиться и одновременно подрабатывать на полноценную солидную няню, чем придумывать различные комбинации. Во всяком случае, так было решено на семейном совете. И, видимо, решено разумно.

Но самое главное — тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, — Женя начал избавляться от своей инфантильности, стал проявлять энергию и растущее на глазах осознание ответственности главы семейства. То есть во всех этих успехах было не только везение. Уже через неделю после приезда он нашел довольно неплохую работу в не слишком большой частной фирме, занимающейся техническим обслуживанием компьютерных систем. Диплом соответствующих шестимесячных израильских курсов, два года обучения в уважаемом даже в Америке хайфском Технионе были только предпосылкой. Женя с блеском выдержал испытательный срок, он действительно был способным человеком и компьютерным фанатом. Правда, работа была нелегкая: чтобы обеспечить необходимые семейные расходы, ему приходилось вкалывать по десять-двенадцать часов в сутки, мотаться по всему городу и даже по пригородам. Зато ему выдали служебную машину, которой он мог пользоваться и в личных целях. Тоже экономия. Можно было обойтись только одной машиной — для Нади. В Америке работающему человеку без машины не обойтись, а Надя тоже лишнего дня без дела сидеть не собиралась.

Оказалось, что Женя женился не только по любви. Очень выгодно женился. Разумеется, не в смысле богатства. Денег у Нади не было. Зато было кое-что другое, не менее важное.

Для Нади четыре года самостоятельной жизни в Израиле не прошли даром, да и от природы она была активной и не робкого десятка. Вскоре по приезду она вполне самостоятельно — а кто ей мог помочь? — поступила для продолжения учебы на химический факультет престижного Калифорнийского университета и еще до начала сессии досдала необходимые

по новой программе предметы. Это было совсем не просто с учетом обрушившихся на ее голову забот, связанных с устройством на новом месте. Мало того, она сумела попутно решить очень непростую в Калифорнии проблему трудоустройства. Как-то само собой получилось, что на кафедре буквально все, начиная от секретарши, не говоря уже о мужском педагогическом составе, прониклись сочувствием к симпатичной русско-еврейской блондинке с обаятельной улыбкой, стройной фигуркой и отличным для смешанного населения Сан-Диего английским. О своем тяжелом положении иммигрантки она рассказывала с таким скромным достоинством, что это вовсе не выглядело мольбой о помощи. Ей с непривычной для этой снобистской организации легкостью предложили четыре часа в день на должности лаборантки здесь же, на кафедре. Формально говоря, основания для этого были серьезные — первая степень и отличные оценки в аттестате. Но местных химиков, выпускников этого же университета, примерно с такими же данными было более чем достаточно. Надя доказала, что скромное обаяние при прочих равных условиях играет не последнюю роль. Таким образом, она с самого начала почти зарабатывала на няню. Правда, только "почти", остальное тянул Женя. Это "остальное" со временем только увеличивалось.

Словом, в течение двух лет Света и Наум получали из Америки только хорошие или очень хорошие новости. Правда, вначале была небольшая заминка. Женя по старой израильской привычке как-то попытался продемонстрировать хозяину свое свободомыслие и строптивость. Тут же ему толково объяснили, что если нечто подобное повторится, то он с треском вылетит из фирмы и не получит никаких рекомендаций. Это была нешуточная угроза. "В Америке, — объяснили ему, — демократия на производственные отношения не распространяется. Полное подчинение. Тут вам не папа с мамой. И не ваша армия — мы знаем, какое там панибратство и либерализм". Струхнувший Женя все осознал, и дела пошли на лад.

В дальнейшем все утряслось. Ему регулярно увеличивали зарплату и даже как-то послали на курсы повышения квалификации за счет фирмы. Женя действительно оказался ценным работником. Природа наградила его талантом успешно пользоваться смесью знаний и интуиции, необходимых в этой новой для человека компьютерной системе. Он без видимых усилий быстрее всех выяснял, где, что и почему "не фурьчит" (любимое его выражение) и что нужно сделать, чтобы все было о'кей. И в результате со временем был назначен бригадиром. Правда, бригада была небольшая, в нее входили два русских иммигранта и один свежееиспеченный

американец китайского происхождения. Само собой разумеется, в такой среде повышать уровень английского они не могли. В этом заключалась серьезная проблема, потому что на самостоятельное изучение языка у Жени не оставалось сил. Или не хватало воли. А скорей всего, и того и другого... Время между тем стремительно уходило. Но успехи на работе были налицо, можно было, ничего не приукрашивая, с гордостью рапортовать родителям.

И все-таки самых впечатляющих успехов добивалась Надя. То, что она сдавала все работы и экзамены на отлично, никого не удивляло — так было и в Технионе. Но вскоре ее официально ввели в штат, затем последовали некоторые льготы, пенсионные отчисления, страхование — довольно необычное явление в престижном заведении по отношению к молодой иммигрантке, пока еще даже не имеющей гражданства. Естественно, она это заслужила своим старанием, но многие не могли избавиться от впечатления, что одного старания явно недостаточно. Где-то, возможно, была группа поддержки. И тем не менее, зависти это не вызывало. Симпатии и, я бы сказал, уважение к ней и студентов, и преподавателей со временем только возрастали. Приветливость, хорошие внешние данные, в первую очередь, уже упоминавшаяся приятная улыбка, отличная фигура и красивые мягкие волосы, уложенные во вроде бы скромную прическу, нравились мужскому контингенту института и в то же время не вызывали раздражения у женского. Ничего вызывающе красивого и слишком сексуального, все в меру. Могут только повторить уже сказанное: скромное обаяние уверенного в себе человека. Правда, были и такие, кто считал ее излишне рассудочной и даже расчетливой, но и они относились к этому с пониманием: в наше нелегкое время без доли расчетливости прожить просто невозможно.

Не последнюю роль играли работоспособность и целеустремленность Нади. Она с толком использовала свободу от домашних забот, которую предоставила ей добросовестная Белла. Кроме подготовки, необходимой студентке и начинающему преподавателю, Надя использовала каждую свободную минуту для того, чтобы приобрести интеллектуальный и информационный багаж, которым, по ее мнению, должен обладать интеллигентный американец. Она хотела знать и чувствовать то же, что знает и чувствует каждый из них. Стать такой же. При этом не забывала и свои обязанности. Сначала укладывала спать Верочку — это была ее прерогатива, — а когда появлялся усталый донельзя после многочасовой напряженной работы Женя, кормила его и тоже укладывала спать. Но сама еще пару часиков читала, смотрела телевизор или рыскала по интернету. Кас-

сета с уроками английского языка высокого уровня и наушники были всегда при ней во время любых перемещений.

— Двужильная, — с одобрением говорила о ней Белла и старалась помочь, чем могла.

Результаты были налицо: ее признали своей в академических кругах солидного университета. Это дорогого стоило.

Может быть, в другом районе Соединенных Штатов добиться столь заметных успехов было бы сложнее, но в Сан-Диего, где у каждого второго речь с каким-нибудь акцентом и физиономия, отличающаяся от британского образца, акклиматизация проходит намного быстрее.

6

Первой опасность почувствовала Света. Наум стал замечать, что победные реляции об успехах Нади ее не воодушевляют. Наоборот, она все чаще впадала в совершенно не свойственную ей задумчивость. Следующим показателем стало то, что в разговорах с Наумом вместо привычного "Надюша" стало все чаще появляться официальное "Надежда". Долго скрывать свои, даже не полностью осознанные, предчувствия Света, разумеется, не могла. И однажды в ответ на вопрос Наума — в чем проблема? — хлынул поток сомнений и опасений.

— Ты обрати внимание, Надежда обращается в высших академических кругах! — это красивое выражение ей определенно понравилось, и она со вкусом его повторила: — В высших академических кругах!

Наум с видом человека, отлично знающего эту систему изнутри, иронически ухмыльнулся.

— Не преувеличивай. Всего-навсего преподаватели кафедры. Это не бомонд. Склочники и скандалисты. И далеко не богачи. Я-то их навидался...

— Ну да, навидался, особенно в Америке. Все мерить по своим НИИ, давно отдавшим богу душу. В Америке все иначе. Там все они снобы. И кто для них Женя? Простой иностранный работяга в потрепанной служебной машине. С акцентом. И даже твоего Ницше не читал. Ты слышал, как он рассказывал о парти, куда его с Надеждой пригласили?

— Нормально рассказывал. Был доволен тем, как там к Надюше относятся. По-моему, гордился.

— Ох, Ньюма, Ньюма. Нет у тебя музыкального слуха, и вообще никакого. Витаешь в своих эмпиреях.

Света была права. Все так и было. На этих корпоративных вечеринках, которых было слишком трудно избежать, Женя чувствовал себя явно не в своей тарелке, человеком с другой планеты. Дикий — с их точки зрения — акцент, неумение легко перебрасываться репликами о вещах, всем хорошо знакомых, и тому подобное. И деликатные Надины сослуживцы с таким сочувствием смотрели на нее, так явно старались протянуть руку помощи, демонстрировали такое равноправие... Все это было тем более обидно для Жени, что у себя на работе, на своем уровне общения он был вполне уважаемым человеком. А о женщинах и говорить нечего — он по-прежнему пользовался у них большим успехом. Совсем недавно на корпоративной вечеринке своей организации он путем тайного шутивого голосования был избран секс-символом фирмы. "Документ", подтверждающий это, с подписями и печатями, он со смехом, но не без удовольствия предъявил Наде. Мол, и мы не лыком шиты.

Надя пыталась как можно мягче приспособливать Женю к новой культуре. Разговаривала с ним по-английски, поправляла неграмотные выражения. Подсовывала журналы: смотри, тут интересная статья, а вот это прочитай непременно; покупала билеты на спектакли. Но встречала все возрастающее сопротивление. Конечно, он очень уставал, но кроме того, стал чувствовать какое-то унижающее его давление. А Женя, как вы помните, этого не переносил с детства.

Как-то после одного субботнего разговора с родителями они забыли завершить сеанс связи, и в Хайфе услышали раздраженную реплику Жени:

— Ты хочешь поднять меня до своего уровня? Куда уж мне! Не стоит стараться, меня устраивает мой. До Пуделя я все равно не дотянусь.

Наум тут же тактично отключился, Света промолчала и только тяжело вздохнула.

О Пуделе они слышали не первый раз. Так Женя называл профессора Пауделла, куратора Нади. Тот действительно очень напоминал пуделя — черные курчавые волосы, черные глазки, носик пуговкой, невысокого роста. Женя с очевидным злорадным удовольствием переслал в Хайфу по интернету фотографию с одной из парти, на которой Надя держала под руки его и Пуделя. Преимущества высокого и стройного Евгения по сравнению с низкорослым и довольно поношенным Пауделлом были очевидны. Не говоря уже о разнице в возрасте не менее двадцати лет.

Впрочем, у Пуделя была серьезная компенсация этих недостатков. Он был доктором наук, профессором, крупным специалистом в своей области и одним из самых влиятельных людей не только на кафедре, но и в уни-

верситете. И что не менее существенно, мистер Пауделл был одновременно совладельцем нескольких химических фирм, которые, фигурально говоря, пожинали плоды его творческих успехов. То есть работали по его патентам. Он был эдаким Гейтсом в миниатюре, хотя определение "в миниатюре" является скорее следствием финансовой масштабности Гейтса, нежели бедности Пауделла. Последний был тоже далеко, далеко не нищим.

По мнению Жени, Пудель слишком опекал Надю.

"Дети" по-прежнему сообщали о себе только хорошие новости, но даже "не имеющему слуха" Науму было ясно, что отношения в семье становятся далеко не безоблачными. Счастливый брак грозил превратиться в мезальянс.

Однажды Наум со Светой сидели, как голубки, на диване и смотрели очередное ток-шоу. Главная героиня, встретив большую любовь, разбила семью, забрала половину детей и ушла к другому. Сейчас она счастлива, бывший муж не очень. А хорошо ли это? И все на полном серьезе... Женщины относились к этой проблеме по-разному, но на вопрос "А вы лично могли бы поступить так же?" все, как одна, отвечали: "Нет, я бы так не смогла". Мужчины были менее категоричны.

Наум вяло реагировал на предмет дискуссии, лично его это не волновало. Поезд уже ушел, время для перемен упущено. Во всяком случае, он так считал. Света скептически пыхтела и явно соотносила все услышанное с событиями в Сан-Диего.

— Ох, скорей бы уже Надежда окончила свою учебу, и они поменялись местами, — наконец обнародовала она свои мысли. — Как такая смена называется в политике? Рокировка?

— Ротация.

Наум кисло поморщился. Он не любил напоминаний о своей былой привязанности.

— Жене пошел тридцать первый год. Если он сейчас не пойдет учиться, то все. Он и так уже забыл даже то, что знал.

— Я говорил. Нужно было потерпеть здесь всего два года, и было бы у обоих высшее образование. Но Женя терпеть не умеет.

— Ох эти твои "я говорил"! Кому от них легче? Ты только Жене не ляпни, он эти "я говорил" на дух не переносит. Так и ждет, что ты ему это скажешь. Нам только скандала не хватает. Ему и так нелегко.

— Им обоим нелегко.

— Да, конечно, Надежде тоже. Но женщинам нельзя давать слишком большой форы.

Наум заинтересовался.

— Почему женщинам? Надоша любит Женю. И вообще, женщины — ты слышишь, что они там говорят? — больше дорожат семьей, чем мужчины.

Света с иронией посмотрела на экран и на Наума.

— Знаток женщин... Когда такое было? Давно и... почти неправда. Говорят. Говорите тоже — помнишь анекдот? А статистику слышал?

Наум этот момент пропустил. Света постепенно раскалялась.

— Шестьдесят процентов заявлений на развод подают женщины. Нет, не верю я в их самопожертвование. Особенно в Америке, с их самостоятельностью. Они свой шанс не упустят. Не знаешь ты женщин.

— Одну знаю, мне хватает, — миролюбиво закончил Наум.

Света снова скептически хмыкнула. Наум отнес это на счет участников ток-шоу.

7

Наступило наконец с нетерпением ожидаемое время больших перемен, но, увы, надежды на ротацию не оправдались. Вместо них разразился настоящий кризис. Надя, как и следовало ожидать, с успехом — третьей на курсе — окончила университет, получила диплом и степень бакалавра. Но — к огорчению Жени — этим дело не закончилось. Мистер Пауделл предложил ей не работу, как ожидалось, а продолжение учебы. То есть вакантное место в аспирантуре и по окончании ее, через два года, маячила куда более солидная академическая степень магистра. Это уже был совсем иной уровень, нежели присваиваемая выпускникам не только университетов, но и простых четырехгодичных частных колледжей красиво звучащая степень бакалавра. Но самое главное, была заранее обещана после защиты серьезная и хорошо оплачиваемая должность в одной из его фирм. И это были не голословные обещания — во время обучения Надя должна была проходить стажировку в отделе этой фирмы, заранее готовясь к будущим обязанностям. О такой карьере можно было только мечтать.

Женя был в трансе, Света в полной растерянности. Наум не осмеливался выразить восхищение прекрасными перспективами Надюши, а уж он-то лучше, чем кто-либо другой, знал, как непросто этого добиться. Но сейчас такие восторги были бы неправильно поняты. Тем более что Наум с трудом сдерживал столь "любимую" Женей фразу: "Я говорил!..". Пришлось просто помалкивать от греха подальше...

Мистер Пауделл вызвал Надю и долго беседовал с ней. Тон беседы —

подчеркнуто уважительный и равноправный. Никакого второго плана не было даже в помине. Начал он с того, что откровенно признал: одной из важнейших задач своей университетской деятельности считает комплектование собственных фирм надежными и толковыми специалистами. Это основа успеха. Дальше шли обычные похвалы ее трудолюбию, констатация ее достижений за столь короткое время и т. д. Но особо Пауделл подчеркнул, что ценит ее целеустремленность и умение находить контакт и с боссами, и с подчиненными, сохраняя при этом симпатии и уважение и тех и других. И внутренне сохраняя дистанцию. Последнего качества Надя в себе не замечала, но ему виднее. Весь этот набор очень важен для руководителя и встречается не так часто. Мистер Пауделл надеется, что из Нади получится отличный и грамотный босс. Он так и сказал — босс.

Но как бы ни повернулась ситуация в дальнейшем, степень магистра и стаж практической работы в солидной фирме очень важны и уже сами по себе обеспечивают конкурентоспособность в будущем. Ни для кого не секрет, что прямо с учебной скамьи без протекции найти работу ох как не просто. Специалистов этого профиля в Калифорнии избыток.

Пауделл умел говорить солидно и убедительно. И в то же время мягко давал понять, что в случае несогласия умывает руки.

Он прозрачно намекнул, что готовит ее к должности начальника отдела, который отвечает за внедрение всех новых разработок, проведенных под его руководством. Это означает ответственность за многомиллионные финансовые объемы, а также контакты на высоком уровне с весьма солидными людьми, серьезное и стабильное положение в сочетании с соответствующей оплатой. Судя по всему, Пауделл действительно верил в природную целеустремленность, надежность и контактность Нади. И в то же время заметил, что для этой важнейшей работы у него должно быть полное взаимопонимание с руководителем. Требование выглядело чисто деловым, но глаза Пауделла при этом затянулись едва заметной поволокой. А может, все-таки показалось? Подозрительность провинциалки? Или следствие бессмысленной ревности Жени? Она внимательно посмотрела на солидного и делового руководителя и готова была устыдиться своих подозрений. И все-таки... Учитывая привычную для запуганного женским равноправием американского истеблишмента осторожность, все сказанное Пауделлом сомнений в определенных его намерениях и желаниях не вызывало...

Пауделл продолжал:

— Есть и недостаток в моем предложении.

Надя напряглась.

— Получать вы будете немного, примерно столько же, сколько и сегодня. Аспирантура за счет фирмы, согласитесь, это уже немало. И потом, я не могу платить вам больше, чем остальным. И уверен, что вы и сами не захотели бы, чтобы я это делал...

Пауделл внимательно посмотрел на Надю. Та энергично замотала головой.

— Нет, конечно, нет. Ни в коем случае.

— Рад, что я в вас не ошибся. Не ошибся? — повторил вопрос Пауделл. И не ожидая ответа, продолжил: — Ну и отлично. Подумайте, посоветуйтесь с близкими. Время до начала следующей сессии у вас есть.

Надя ушла обдумывать предложение. Все оказывалось не слишком просто.

Разговор с Женей тоже был нелегким, а начало его просто обескураживающим.

— Я обо всем подумал — и ни за что не соглашусь, чтобы ты с этим Пауделом терлась еще два года бок о бок.

— Женя, ты что говоришь? Куда тебя понесло? Терлась...

— Я сказал "бок о бок". Не знаю, о чем ты подумала...

— Только пошлостей нам не хватало.

Мрачная пауза затянулась.

— Женя, давай не будем бодаться. Какой может быть выход?

А выхода не было видно даже на горизонте. Правда заключалась в том, что альтернативы предложению Пауделла у них фактически не было. А если и была, то в высшей степени скверная. Пауделл прав на все сто процентов: слишком много специалистов такого профиля выпускают местные учебные заведения. И особенно сложно трудоустроиться иммигрантам без гражданства. Если Надя откажется от этого предложения, то найти такую работу, чтобы Женя смог продолжить учебу и чтобы платить няне Белле, не удастся. Даже при условии, что Женя останется на полставки в своей фирме, а на это нынешний его хозяин может и не согласиться.

Пауделл, призналась Надя, намекнул: он при отказе умывает руки, что можно понимать по-разному. Влияние его в этой области огромно. Во всяком случае, в Сан-Диего. А переезд из обжитого места в полнейшую неизвестность — что может быть страшнее?

— Теперь ты видишь? Он нас, а точнее тебя, загоняет в угол. Не говори, что ты этого не видишь.

— Женя, не примешивай ко всем неприятностям ревность. Ты мне не доверишь?

Женя хотел с ходу возразить, но потом махнул рукой.

— Понимай как хочешь.

— Подумай сам, у него могут быть любые красавицы. Ты сам видел одну такую на прошлой парти. Помнишь, чуть не упал? Зачем ему такая серая мышка, как я?

Женя обиделся за нее, а еще больше за себя.

— Почему серая? И почему мышка? Впрочем, он их покупает, тут много ума не надо.

— Не просто покупает. Женя, это не так. Он чего-то добился, а ты хочешь, чтобы все падало с неба. Чего-то добился — это такое же преимущество, как молодость, рост, красота. И тоже имеет цену. Иногда дороже, чем то, что от бога. Что просто свалилось на тебя. Как твои способности, которыми тебе лень распорядиться.

— Я смотрю, у него появился ярый защитник. Надежда, ты научилась красиво говорить. Впечатляет. Как по писаному. В какой книжке вычитала?

— Тебе не все равно? Ты же ни одной не прочел.

Женя действительно, как и многие нынешние молодые, художественной литературой, мягко говоря, не увлекался. Точнее — вообще не читал.

— Я парился по двенадцать часов в день, чтобы ты могла на этих книгах торчать...

— А я бездельничала? Ну да, поэтому у нас сейчас скандал, что я бездельница, а ты деловой.

Против этого Женя возражений не нашел. Замолчал и отвернулся. Надя поняла, что все прозвучало очень обидно. Перебор. Взяла себя в руки.

— Женя, мы не о том говорим. Мы можем выйти на совсем другой уровень жизни.

— Но это будет твой уровень, а не мой. А я хочу свой, — Женя заметил протестующий жест Нади. — Ну хорошо, наш общий. Мы же договаривались. Сейчас моя очередь стать умным.

— Это правда, Женечка. Ты полностью прав. Я же не спорю. Я просто не знаю, что делать...

— Зато я знаю, чего не нужно делать. Если ты согласишься на эту долбаную магистратуру — я уйду. Так и знай.

И после паузы подвел итог:

— Тебе решать.

Надя признавала, что, в сущности, Женя прав. Они на такую двусмысленную ситуацию согласиться не могут. Не могут — пока вместе. В этом была основная сложность проблемы. Перед каждым из них возник соблазн серьезного успеха, качественного изменения жизни. Но, увы, только каждого в отдельности. Вместе не получилось.

Занятая своими проблемами Надя даже не догадывалась, что и с другой стороны — у Жени — тоже есть ящик Пандоры, который вот-вот грозил открыться. Опасность молодой семье грозила с двух сторон.

Женя прекрасно понимал, что для дальнейшего роста в качестве специалиста ему нужен как минимум диплом об окончании колледжа. Без этого никакое реальное продвижение по службе невозможно. Да и дистанция в этом случае между ним и Надей, будущим магистром и солидным боссом, станет непреодолимой. Но уже сейчас он ощущал огромное нежелание снова садиться за книги и сознавал, что еще через два-три года это будет практически невозможно. Зато змеем-искусителем перед ним маячила возможность стать бизнесменом — а в таком случае необходимость официальных регалий отпадала.

Путь для этого был проторенным и старым, как мир. Дочь хозяина Нелли, вполне симпатичная и абсолютно американизированная молодая женщина с трехлетним ребенком от первого пробного брака, не скрывала своих симпатий к молодому израильянину. И не только она. Сам хозяин фирмы благоволил к Жене и поощрял ее увлечение. Молодого парня, который меньше чем за два года стал признанным авторитетом в фирме, наверняка ожидало неплохое будущее, а это с точки зрения матерого бизнесмена дорогого стоило. Со свойственной многим американцам старой закалки бесцеремонной прямолинейностью он почти не скрывал желания видеть в потенциальном зяте не только партнера по бизнесу, но и в ближайшем будущем своего преемника. Хозяин признавался, что в столь быстро развивающемся деле, связанном с новыми технологиями, он уже не в состоянии угнаться за тенденциями. И просто по-человечески устал. Приходится доверять наемным помощникам, а хотелось бы опереться на родного человека. Кто мог стать этим гипотетическим родным человеком — нетрудно было догадаться. Дополнительным, но немаловажным стимулом было и то, что дед хозяина, основатель династии, помещь грека с евреем, в начале прошлого века эмигрировал в Америку из Одессы, и на этом основании все семейство сентиментально считало Женю земляком и едва ли не родственником.

Основанием для таких настроений было и невесть как проникшее в фирму подозрение, что в его семейной жизни не все обстоит благополучно. Причем эти слухи возникли еще раньше, чем сам Женя это неблагополучие осознал. Как распространяется такая молва — объяснить невозможно, но каждый из нас знает подобные примеры из личного опыта...

Было бы гораздо легче бороться с соблазнительными перспективами,

если бы Наде и Жене приходилось преодолевать неприязнь к новым кандидатам, особенно физическую. В этом случае появилось бы ощущение, что они продают себя за будущие блага. Но ничего похожего не было. Скорее наоборот...

С такой по-настоящему красивой и эффектной молодой женщиной как Нелли Женья и без всяких меркантильных целей с удовольствием завел бы шашни, если бы не опасался вызвать гнев хозяина. А тем более приятно было бы это сделать в отместку за ревнивые мысли и вполне ощутимый комплекс неполноценности, которые у самонадеянного ловеласа появились в последнее время по вине жены.

Условия для этого были как по заказу. Женин босс придерживался так называемого японского подхода к ведению бизнеса. Он старался, чтобы работники фирмы считали ее своим домом. Поэтому там нередко (намного чаще, чем в университете) устраивались корпоративные вечеринки с угощением и непременно танцами. Атмосфера на этих парти была куда более демократичной, здесь, как уже говорилось, Женья чувствовал себя свободно и раскованно. Его английского вполне хватало для далекого от снобизма смешанного общества.

Демократизм хозяина доходил до того, что на важнейшие семейные торжества он устраивал фуршеты, на которые приглашалась верхушка фирмы, работники со стажем, опора хозяина. Последний год в эту местную элиту вошел и Женья. Ни для кого не являлось секретом, по чьей инициативе молодой иммигрант удостоился такой чести.

Общение с Нелли давалось ему без всякого напряжения, тем более что больше приходилось танцевать, чем разговаривать. Высокие, стройные (Нелли была почти такого же роста, как Женья), они любили и умели танцевать. И когда до них долетали реплики: "Прекрасная пара!", — то обоим казалось, что это вполне может относиться не только к танцам. Фотографии молодых и красивых, разгоряченных танцем и эмоциями партнеров, больше напоминающие открытки, Женья хранил на работе, домой они не попадали — зачем гусей дразнить? Но время от времени рассматривая их и сравнивая с уже упомянутой фотографией, на которой был запечатлен низкорослый и потрепанный Пауделл, Женья высокомерно ухмылялся. И напрасно.

Дело было не только в деньгах. Настоящие "ходоки" не слишком часто бывают красавцами, а Пауделл в этом деле знал толк. Немалый опыт, ум и чувство меры делали его в общении что называется приятным во всех отношениях. Он с успехом использовал не только свои достоинства,

но и недостатки. В том числе позволял себе быть иногда немного смешным, иногда немного нелепым, что в женских глазах делало его "милым". Никак не меньше богатства на его имидж покорителя женских сердец работал огромный, да еще обросший легендами "послужной список" — это интриговало, создавало вполне ощутимую ауру. В этом списке, как гласила молва, явных авантюристок было немного, зато по секрету, шепотом, назывались имена вполне обеспеченных и знающих себе цену умниц и красавиц. Значит, было в нем что-то такое...

И хотя Надя была немного ханжой — неизбежное следствие "совкового" воспитания, — ей, тем не менее, льстило уважительное и ненавязчивое внимание Пауделла. Временами ей казалось, что отношения между ними — если бы они возникли — могли бы быть достаточно серьезными. Пауделл в ее присутствии не раз говорил, что ему надоела роль немолодого плейбоя, что он давно созрел для того, чтобы пойти по стопам Майкла Дугласа и остепениться. Нужно только найти свою Кэтрин Зета-Джонс, но Пауделлу хотелось бы, чтобы его избранница была серьезной, скромной и не столь вызывающе эффектной.

Все это высказывалось в узком кругу, на кафедре, и, разумеется, в шуточной форме. Но при этом Пауделл так индифферентно смотрел на собеседников, подчеркнуто никого не выделяя, что на щеках у Нади невольно выступал предательский румянец.

Нет, интрига определено была.

И в одном Женя был абсолютно прав — решать придется Наде. Во всяком случае, в зависимости от ее решения события начнут разворачиваться в ту или иную сторону. Но пока они оба не предпринимали никаких шагов. Надя не рассылала свои резюме, как принято при поисках работы. Она сознавала, что сразу же в университет посыплются запросы, а это бы означало открытую конфронтацию с Пауделлом. Выяснить, почему Женя не подает документы в какой-нибудь колледж, не было смысла, в ответ на одну такую попытку он очень резко ответил:

— Если ты не ищешь работу, значит, тебя не должно интересовать, что я буду делать дальше. Это будет мое и только мое дело.

Больше Надя ни о чем не спрашивала.

— Чего они ждут? На что рассчитывают? — возмущенно хлопала себя по широким бедрам Света в далекой Хайфе. — Это как беременность — само не рассосется.

Наум долго вспоминал историческую Светину острогу.

Так прошел месяц. За ним другой. Через две недели должен был на-

чаться учебный год. Времени уже почти не оставалось. В доме Беляевых сгущались тучи. Не только советоваться друг с другом — поддерживать любой нейтральный разговор стоило больших трудов. Фразы повисали в воздухе. Няня Белла, обычно говорливая, на сей раз была тише воды и ниже травы и старалась держаться от хозяев на безопасном расстоянии.

Но таково свойство человеческой природы: чем реальней становилась перспектива разрыва, тем больше оба осознавали, насколько дорога им семья. Как тяжело рвать столь прочные узы. И кроме того, несмотря на молодость, оба в глубине души понимали: если они согласятся на перемены, если разойдутся, то отношение к ним нынешних соискателей может немедленно измениться. Они вполне могут оказаться героями римейка известной картины Репина "Не ждали"... Такое слишком часто случается в жизни.

8

И в Хайфе настроение было хуже некуда. Хотя дети старались не огорчать стариков и ничего, кроме "мы пока ничего не решили", им не рассказывали, но Света видела на экране компьютера их лица, ловила взгляды, которыми они обменивались. Она разбиралась в ситуации, пожалуй, не хуже, чем они сами. Что-то вылавливала между строк, о чем-то догадывалась. Например, видя удивительное спокойствие Жени, она давно поняла, что "этот паршивец" нашел запасной выход. "По глазам вижу. Я его знаю как облупленного".

В перерывах между сеансами связи Света с Наумом переваривали увиденное и услышанное. Света как неприкаянная ходила по квартире из угла в угол. Но молчать и таить все в себе она никогда не умела, поэтому свои бесконечные сомнения и размышления обрушивала на единственного слушателя, который всегда был под рукой.

Теперь их прогулки были не только полезны для здоровья, но и насыщены увлекательными разговорами, сопровождаемыми по одесской привычке бурной жестикуляцией. Пожилые пары, прогуливающиеся по оживленному маршруту вдоль моря, как правило, делали это в молчании — обо всем за много лет давно переговорено. И они с завистью оглядывались вслед супругам, которые, судя по всему, не утратили интереса к жизни и друг к другу.

Наконец Света окончательно подвела итоги ситуации в Сан-Диего и на одной из прогулок постаралась донести эти выводы до своего лично-

го мыслителя, разбирающегося в каббале и Ницше, но ничего не понимающего в реальной жизни.

— Слушай, товарищ ученый... извини, сейчас ты господин ученый. Можешь решить простую задачу с несколькими неизвестными? Я обычный человек с обычным советским институтским дипломом, то есть практически без образования. Я решения не найду. Но ты же кандидат наук, а в Израиле даже доктор.

— Одна голова хорошо, а две лучше, — добродушно поддакнул Наум.

— Вот тебе первое неизвестное. Надежда не может не согласиться на это предложение. И главное, на работу в фирме. Такой шанс выпадает один раз в жизни, и то не каждому. У меня рука не поднимается ее осуждать.

— Не судите, да не судимы будете, — удачно вставил Наум.

— Погоди ты... Но у Пуделя свои виды. И Надежда это понимает. И я понимаю. Слишком все гладко и шито белыми нитками.

— Да, это не исключено, — вздохнул Наум. — Мистер Пауделл...

— Он должен понять, как дважды два, что тут ему ничего не светит, — и отказаться от своих планов.

— Если они есть.

— А ты сомневаешься?

Наум только пожал плечами. Света безнадежно махнула рукой — что с тебя возьмешь! — и продолжала:

— Но Надежду в фирму он должен принять. Понял? Вот тебе второе неизвестное.

— Почему неизвестное?

— Потому что неизвестно, как это сделать.

— Ну, знаешь ли... Понял — не понял, отказался от мыслей — не отказался. Как это определить? Нет четкой информации. И индикации.

— Вот! А должно стать всем ясно. Главное — Жене должно быть ясно. А иначе он из семьи уйдет. Ты его знаешь...

— Знаю, — опять вздохнул Наум. — Кому знать, как не мне...

— Это какое по счету неизвестное? Третье? Но самое главное четвертое — должно хватить денег на учебу Жене, на няню, на квартиру, на жизнь. Еще на два года. Если Женя не получит диплом, а она станет большой шишкой, то тогда все, на этой семье можно ставить крест, — Света горестно покачала головой. — Но Надежда, Надежда! Толковая же девица. И так любила Женю. Чего она тянет?.. Неужели решилась...

— Не верю, — решительно возразил Наум. — Ни за что не поверю. Но в одном ты, Светочка, права. Должно быть системное решение. Только

системное, одним пунктом не отделаешься. Но самое важное — без образования сейчас дороги нет... А ведь все можно было предвидеть. Я гово... — и Наум осекся. Сейчас это было ох как не вовремя. Впрочем, он всегда любил изрекать что-нибудь не вовремя.

Когда в Хайфе уже перестали надеяться и ждали со дня на день самых огорчительных известий, раздался телефонный звонок. Был будний день, около восьми часов вечера, для связи с Америкой время самое неподходящее. Света взяла трубку — она всегда брала трубку, так как общение Наума с внешним миром постепенно свелось к минимуму.

— Что такое, что-то случилось? — и она тяжело опустилась на стул. Трагические интонации в ее голосе на Наума не произвели большого впечатления. Света всегда очень драматично реагировала на любые новости в любой беседе. Всплескивала руками, удивлялась, ужасалась — почти вне зависимости от содержания разговора. Такой темперамент. Эта ее манера прогрессировала с годами. Сказанная с дрожью в голосе любимая фраза: "Какой ужас!" — могла с равным успехом означать и то, что соседский котенок написал на диван, и то, что сама соседка попала в больницу в тяжелом состоянии. Наученный опытом Наум спокойно слушал краем уха обрывки разговора, а сам разыскивал что-то в интернете.

— Ну, слава богу хоть на этом... Да говори ты толком... Да, здесь, конечно, здесь... Где ему быть... Хорошо, я набралась терпения... Я слушаю...

И дальше наступила долгая пауза, прерываемая только шумными вздохами Светы. Но вот прозвучало излюбленное:

— Какой ужас! Ох, какая я дура! При чем тут ужас?.. Прости, это я от неожиданности. Сколько времени?.. Полтора месяца? Это точно?.. А кто об этом знает?.. Всё, слушаю, слушаю...

И опять длинная пауза. Света слушала не прерывая и не вставляя реплик — очень на нее не похоже.

— Да, огорошила ты меня. Это комбинация... всем комбинациям комбинация. Надо еще поговорить. Такое дело... Я завтра позвоню, когда... Ну, ты понимаешь, когда смогу. Примерно в это время... Не все мне понятно... Надо подумать, обсудить. Ну, целую...

Света положила трубку и застыла, глядя куда-то в пространство.

"Комбинация", "целую"... Наум заинтересовался.

— Кто звонил? Что-то случилось?

— Ничего, наши бабские дела. Тебе неинтересно.

Весь вечер Света двигалась как сомнамбула, со скоростью в несколько

раз меньше обычной. Что-то забывала, что-то роняла. На вопросы отвечала невпопад. То же продолжалось и на следующий день. Наум даже забеспокоился:

— Что с тобой? Давление?

— Если бы только давление... Да нет, все в порядке.

Она неожиданно склонилась над сидящим в кресле Наумом и с чувством поцеловала его в лысину. Наум даже просветлел — давненько он не достаивался такой чести.

— Ох, Ньюма, Ньюма... Так ты говоришь — системный подход? Иначе нельзя? Ну-ну, доктор наук...

Вечером, часам к семи, Света объявила, что на прогулку не пойдет, болит голова. А Наума отправила в магазин за черносливом — уже акончился.

— Из магазина пойдешь на море, а я пораньше лягу.

Наум послушно отправился по маршруту.

По возвращении он застал совершенно необычную картину. На журнальном столе, покрытом праздничной скатертью, был выставлен отличный натюрморт. В центре стояла бутылка дорогого импортного коньяка, подаренного друзьями к недавней годовщине их свадьбы. Некошерная ветчина. Банка черной икры из особых запасов. Печень трески нерусского происхождения. Овощи, фрукты, неизменный хумус — словом, все то, что в крайне торжественных случаях позволяют себе русские репатрианты. Удивительным было и то, что стол был накрыт в салоне, хотя, как правило, они ели на кухне. Мало того, все это изобилие являлось глазу в девять часов вечера, а согласно строгому семейному режиму, позже половины седьмого есть было категорически запрещено.

За столом в праздничном платье восседала причесанная и накрашенная Света. Наум отметил, что глаза у нее были немного красными.

— Это праздник со слезами на глазах? — игриво спросил Наум. — Опять я что-то забыл? Кто-то из нас женился, родился, развелся?

— Иди, остряк, прими душ и оденься поприличнее. Не тяни.

— Но кто виновник торжества? Мы ждем кого-то?

— Никого. Мойся, обо всем расскажу...

Когда Наум в чистой футболке и наглаженных шортах подошел к столу, в тарелках была закуска, в рюмках — коньяк, и возле каждой рюмки соблазнительно выглядывал бутерброд с толстым слоем икры. Все это было неспроста, и Наум наконец проявил проницательность.

— Так что мы празднуем? Неужели новости из Америки?

— Да. Из Америки. Но сначала выпьем за здоровье, оно нам очень понадобится...

На это Наум, которого Света обычно ограничивала в выпивке, охотно согласился.

Выпили, чуть закусили, и Света тут же налила по второй.

— Между первой и второй — промежуток небольшой. Но новости хоть со знаком плюс?

— Плюс, плюс, успокойся. Системный подход... Давай еще по одной.

— Ну, ты даешь... Впрочем, я всегда за. Ин вино веритас.

С аппетитом закусывая после второй, Наум нетерпеливо сказал:

— Ну, давай рассказывай. Хватит интриговать.

Света не интриговала. Она явно и очень сильно нервничала, и любой, кроме Наума, давно бы это заметил.

— Так, значит, эта беременность все-таки рассосалась? Как, каким образом?

— В том-то и дело, что не рассосалась. Надя ждет ребенка.

Наум выдал немую сцену. Это было настолько смешно, что Света не выдержала и, несмотря на свое с трудом скрываемое волнение, рассмеялась. Правда, в смехе ее звучали слегка истеричные нотки.

Но главное было сказано. Оставалось все по порядку объяснить Науму, который, по его собственному признанию, "пока не врубился".

В изложении Светы это выглядело примерно так.

Надя беременна уже полтора месяца, и этот неожиданный шаг, кажется, действительно помогает решить все проблемы.

Она сейчас может смело подавать документы в магистратуру. У Пауделла нет никаких оснований их не принять. Только через два-три месяца он воочию убедится, что все его планы можно выбросить на свалку, но будет уже поздно. Это — Света отметила с явным удовольствием — первая пара неизвестных в том уравнении, которое она недавно предлагала решить Науму.

И третье неизвестное. У Жени теперь нет никаких оснований противиться ее дальнейшей учебе. Никаких поводов для ревности. И нечем будет оправдывать свои шашни на стороне, в чем Света его не без оснований подозревает. Жена с двумя маленькими детьми — надежный якорь.

Света замолчала и никак не могла набраться решимости закончить объяснение.

Но кандидат технических наук Наум Сипитинер оправдал возложенные на него надежды и догадался сам. Не напрасно он в не слишком дале-

ком прошлом отличался умением четко видеть последовательность в цепи доказательств и безошибочно выделять основное звено.

— Пстой. Пстой. А четвертое неизвестное? Деньги? Раньше их не хватало на одного ребенка, теперь их будет два. И та же няня Белла теперь будет обходиться еще дороже... Как же Женя пойдет учиться?

Ответа не было. Наум внимательно посмотрел на Свету. Она отвернулась, и глаза ее наполнились слезами. Впрочем, это и был ответ.

— Ах, так... — Наум даже не успел испугаться. — Ты поедешь в Америку. Бесплатная няня Света заменит дорогую няню Беллу. Действительно системный подход.

Света украдкой вытерла слезы и заторопилась:

— Почему я? Мы оба поедem туда. Надя говорит, что мы оба...

— Надя говорит... На какие шиши? Два старых человека без гроша в кармане, без прав, но с болячками...

Света продолжала сыпать словами. Нет, нет. Не все так безнадежно. Она как одинокая старенькая мама вполне может получить медицинскую страховку, у них это называется иншуренс, — это самое главное. В семье двое детей, и одинокая старенькая мама — она со вкусом повторяла это сентиментальное определение — даже может получить гринкарту. Надя узнавала. А уж на тарелку супа Света всегда заработает. Полдела, таким образом, уже решается... Правда, с Наумом на первых порах хуже, для иммиграционных служб он чужой человек, не член семьи, но гостевую визу...

Наум почти не слушал. Он как-то застыл и внезапно со всей очевидностью осознал масштаб и неизбежность ожидающих его перемен. Это был шок, настоящий шок. Равнодушно и устало он сказал:

— Света, оставь. Мне семьдесят два года. Жить на птичьих правах я уже не могу. И не буду. И ты это прекрасно понимаешь. И содержать меня без статуса и медицинской страховки они не смогут, это ежу понятно. Ты — другое дело. Ты одинокая старенькая мама и незаменимая бабушка. Ты можешь там жить и помогать. А если мы будем жить там за печкой оба, то будем приживалами. И это будет на порядок дороже няни Беллы. Зачем попусту тратить слова... У меня, к примеру, операция простаты на носу, а там это немереные тысячи. Ха! Простата на носу! Здорово сказано! Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Света продолжала плакать и уже не пыталась это скрывать.

Наум налил рюмку. Поднял. Рука дрожала. Выпил без тоста.

— Ньюма, только два года. Пока Женя окончит учебу, а Надя — аспирантуру. Пока они встанут на ноги, — и неожиданно перешла в наступле-

ние: — Если бы это был твой сын, то ты бы понял, что ломать ему жизнь в самом начале нельзя. Даже ценой двух лет неудобств. Ты же не ребенок и, тьфу-тьфу-тьфу, пока вполне можешь себя обслужить. А если Женя бросит учебу — всё. У них будет совсем другая жизнь. Он нам не простит. И я себе не прощу.

— И мне...

— Да, и тебе тоже, — жестко сказала Света.

Это была угроза. Может быть, первая за всю совместную жизнь. Но Наум в ответ только кисло улыбнулся. Какие угрозы могут быть в таком положении? Чем его теперь можно напугать? И Света это без слов поняла.

То ли коньяк сыграл свою роль, то ли экстремальная ситуация взбодрила, но в Науме проснулись его аналитические способности и, казалось, навсегда почивший в прошлой жизни обиженный злой сарказм. Он увидел дальнейшее развитие событий на много ходов вперед.

— Всего на два года... Света, мы все знаем — в Израиль не возвращаются. Раньше хоть под старость бывшие израильтяне приезжали умирать на родную землю, а сейчас даже этого нет. Ехать под очередную бомбежку и при смерти не каждый захочет.

— Какой ужас! Ньюма, побойся бога. О чем ты говоришь? Мы столько лет вместе. Дети встанут на ноги, и мы...

— Ладно... Проехали... Как я понял, это Надя одна все решила, без Жени?

— Да, Женя пока не в курсе.

— А как же ребенок появился, если Женя не в курсе?

— Старым способом. Ты уже забыл, как это делается...

Несмотря на трагичность момента, Наум смутился. Он действительно последнее время как-то стал забывать...

— Ладно, не обо мне речь. Ну Надежда, ну железная леди. Все за всех решила. Никому выбора не оставила. Пауделл действительно ее примет, и потом, когда увидит, чем дело кончилось, вынужден будет помалкивать. Женю тоже за шкуру — и назад, в многодетную семью. И тебя, Света. Да, и тебя. Точный расчет. Двух малюток ты бросить на произвол судьбы уже не сможешь, должна будешь поехать, если у тебя есть сердце. И помочь сыну закончить учебу — тоже дело святое. Отличная комбинация с жертвой пешки.

— А что, что было делать? Какой был выход?

— Хоть посоветоваться. Особенно с теми, кто пострадает. Хотя бы... со мной.

Наум замолчал. Больше в этот вечер Свете не удалось выдать из него ни слова.